

Василий
ВОРОН

Семь
шагов

18+

Василий Ворон

Семь шагов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50398972

SelfPub; 2020

Аннотация

Из небольшой серии автора mystic/fantastic free. У горцев затерянного селения есть легенда, что проход в их долину, идущий через небольшой мост, стережет дух. И горе тому, кто не верит в древние легенды!

Содержание

Перевал миновали уже в сумерках, а когда стали петлять по серпантину, Дэн понял, что засыпает. Он покосился на Бурого – тот тоже клевал носом. Девчонки на заднем сидении давно сопели, повалившись друг на друга. Дэн помотал головой, раздумывая, не толкнуть ли в бок Бурого на предмет совещания, как вдруг увидел ниже по дороге огонек. Сделав еще одну петлю вниз, Дэн остановил УАЗ «Патриот» на вместительной площадке у скалы, где торчала двухэтажная хибара с самодельной вывеской, подсвеченной лампой. «Можно переночевать» – разобрал Дэн и выключил двигатель. Он растолкал Бурого.

– Может, в машине поспим? – чудовищно зевая, предложил Бурый.

– Зачем? А девчонки? – удивился Дэн.

– Ладно, – согласился тот, и они вышли из машины.

Им выделили две вполне сносные комнатки, маленькие, но чистые. Бурый отнес сонную Стеллу на руках прямо в постель, и она тут же повернулась к стене и засопела. Он чмокнул ее в горячую щеку и вышел на улицу. Там уже стоял Дэн – его Мария добралась до комнаты самостоятельно.

Они стояли вдвоем и смотрели как теряет очертания долина и мерцают внизу огоньки далекого жилья.

– Как ты думаешь, можно здесь заняться сексом? – спро-

сил Дэн. Бурый усмехнулся:

– Ты с Машей можешь рискнуть. Только не орите. А мне не светит: Стелла спит без задних ног.

– Без чего? – переспросил Дэн, но Бурый махнул рукой:

– Спит и все. Не добудишься. – Он помолчал, сунул руки в карманы и добавил: – А у меня как назло весь сон выветрился.

– И у меня, – обернулся на темное окно, где была их комната с Марией, Дэн. Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел хозяин: крепкий загорелый горец в тибетейке и старой военной форме.

– Не спится? – спросил он, закуривая сигарету.

– Да, мы... Не хочется, – ответил Дэн.

– Вы иностранец? – посмотрел на него хозяин.

– Да. Я из Новой Зеландии.

– Хорошо говоришь по-русски, – сказал хозяин, затягиваясь.

– Вы тоже, – улыбнулся Дэн. Горец пожал плечами:

– Давно живем с русскими. Сколько войн прошло, а мы все вместе, – и тоже улыбнулся.

Потом он посетовал, что завтрак будет скудным: у него снедь закончилась, а машина будет только днем после обеда.

– А козы у вас нет? – спросил Бурый. – Моей девушке нравится козье молоко.

Хозяин помотал головой:

– Здесь не держу. В ауле есть.

– А где здесь аул? – повертел головой Бурый, так как кроме скалы и пропасти на другой стороне дороги ничего вокруг не было.

– Аул там, – хозяин ткнул огоньком сигареты куда-то вбок и вверх. – Метров 50 наверх по тропе, но сейчас уже поздно. Завтра женщина из аула принесет сама.

– Может, мы сами сходим? – предложил Бурый и огляделся: в целом, было еще довольно светло, к тому же в «Патриоте» лежал мощный фонарь. Он представил, как утром его Стелла пьет молоко и нервно сглотнул.

– Нет-нет, дорогой, не надо! – хозяин даже закашлялся и отбросил прочь сигарету. – Не надо было мне говорить про этот аул.

– А что там опасного? – повернулся к нему Дэн. – Мы уже ходили горными тропами.

– Не в этом дело, – хозяин явно нервничал. Он немного помялся и потом сказал: – Там очень узкий мост через пропасть.

– Ну и что? – развел руками Бурый. – Видели мы...

– Нет, там... странное место. Мост правда очень узкий. Из камней сделан. Много лет ему. Наверное, он еще помнит великого Шамиля, что вел газават против неверных...

Он запнулся и оглядел внимательно слушавших друзей:

– Это давно было. Когда русский царь был. Царь его и взял в плен. Но...

– Да, вы говорили про мост, – Дэн внимал каждому слову хозяина. Тот кивнул:

– Мост узкий и короткий, местные зовут его «Семь шагов» – за столько его и перейдешь. Перед мостом стоит скамья. У скамьи висит маленький колокол. Такие колокола вешают на шею старшего барана отары. Еще там лежит большой камень, на котором надпись: по-русски и по-аварски. Что там написано, знает каждый в этих местах.

– Что же там написано? – не выдержал Бурый.

– Там написано: «Торопливый упадет, учтивый перейдет»...

Дэн с Бурым жадно слушали, а хозяин рассказал о старой легенде.

...Это было очень давно. Жители горного аула жили обособленно ото всех – добраться к ним можно было либо тайными горными тропами, либо через узкий мост, возведенный так давно, что даже самый древний аксакал не мог рассказать, когда именно. Жители аула хорошо жили, дружно, словно одна большая семья. Всего у них было вдосталь, поэтому им даже не было нужды ходить из своего аула за какой-либо надобностью в долину.

Но однажды объявилась в их местах стая волков и стала резать овец. И был среди жителей аула старый, но очень опытный чабан, он-то и вызвался отвадить хищников от отар. Он выследил стаю и убил всех волков. Лишь вожак стаи сумел уйти. Но у него были все основания посчитаться с че-

ловеком за своих убитых сородичей. Обратился он человеком и вышел на бой против старого чабана на том самом мосту в семь шагов. Но прежде того, как началась их битва, волк сказал:

– Если ты не сумеешь меня одолеть, я войду в твой аул и убью всех его жителей.

И сошлись они и бились долго. И пал старый чабан прямо на самом мосту и его враг обернулся волком и переступил через него, чтобы войти в аул. Но храбрый пастух ухватился за своего врага и оба они упали с моста в пропасть.

Жители аула горячо оплакали гибель своего спасителя. А дух отважного чабана не упокоился и стал нести неусыпный дозор на каменном мосту в семь шагов. Жители аула поставили камень перед самым мостом. Каждый прохожий, который желал попасть в аул, должен был присесть на этот камень и рассказать духу Старого Чабана, зачем ему нужно перейти через мост. Если помыслы его были чисты, Старый Чабан пропускал его в аул. Но если чужак желал сделать жителям недоброе, он непременно падал с моста в пропасть. Так же никто не мог пройти через мост, если не желал открыть свои помыслы духу. Со временем вместо камня люди поставили скамью у моста в семь шагов и повесили колоколец, который звонит, не умолкая, призывая каждого пришлеца открыть свои помыслы духу Старого Чабана...

Хозяин придорожного заведения умолк и выбросил окурок очередной сигареты.

– А где тропа, которая туда ведет?

– Нет! Я не покажу. Вы упадете в пропасть, а мне отвечать.

– Ну, хорошо, – неожиданно согласился Бурый к недоумению Дэна. – Поздно уже. Может, завтра успеем сходить, до отъезда.

Хозяин недоверчиво покосился на него, а Дэн спросил:

– А вы видели тот мост?

– Нет. Мне некогда играть. Я мужчина и у меня есть свое дело, – и он открыл дверь. На пороге обернулся, хмуро оглядел Дэна и Бурого и добавил: – Аллах свидетель, я не показал тропу.

И он скрылся в доме.

Парни немного постояли молча. Потом Бурый кивком головы предложил приятелю отойти к машине.

– Ну, что? Идем? – спросил Бурый и вытащил из машины фонарь.

– Рюкзак надо взять, – с сомнением посмотрел Дэн на светящееся окошко, где мелькала тень хозяина. – Но тогда он поймет, что мы идем искать тропу.

– Зачем тебе рюкзак?

– А бутылку с молоком мы в чем понесем?

– Кстати, о бутылке, – поднял палец Бурый, сунул в руки Дэну фонарь и стал копаться в багажнике. И достал оттуда пустую пластиковую бутылку и небольшой вещмешок.

– Ну, ты готов? – спросил он Дэна. Тот кивнул. Они закрыли машину и двинулись вдоль скалы – туда, куда махнул

рукой хозяин.

Тропа нашлась через пять минут.

– Он что, всерьез думал, что мы ее не найдем? – бормотал Бурый, начиная взбираться вверх. Сзади пыхтел Дэн. Все еще было не так темно и фонарь зажигать не стали.

Тропа виляла по какой-то древней трещине в скале, один раз даже выныривая у самого края, и приятели могли видеть свою машину метрах в 30 внизу. Отдохнули на небольшом пятачке и двинулись дальше.

Подъем продолжался уже минут двадцать, когда тропа нырнула в какую-то пещеру, и Дэн зажег фонарь, подсвечивая впереди идущему Бурому под ноги. Здесь было сыро и неприветливо, тянуло сквозняком. Прошли метров пятнадцать. Послышалось журчание ручья. Бурый отобрал у Дэна фонарь и они прошлепали по мелкой водице еще несколько метров, пока не услышали шум ветра и невнятное постукивание. Шум доносился спереди.

Пещера повернула налево и парни вышли на каменный пятачок скалы. Дэн ахнул. Открылась потрясающая картина.

Посвистывал ветер. Он был не силен, но ощутим. Прямо перед спутниками зияла черной пастью пропасть, через которую белел каменный мосток. По правую руку от входа на мост лежал внушительный камень, и тут же стояла древняя кованая скамья с выгнутой спинкой. К спинке была пригнана витая балка, на которой раскачивался и глухо и мрачно звонил черный колоколец. Уже стемнело, и всю эту картину

дьявольски изошренно подсвечивала луна на ущербѣ.

– А так хорошо все начиналось... – сказал в растерянности Бурый. Приятѣли подошли к камню. Луч фонаря нашарил выбитые слова с твердыми знаками на концѣ.

– Торопливый упадет, учтивый... перейдет, – медленно прочитал Бурый. Ниже этой надписи шла непонятная бѣлиберда, тоже кириллицей и тоже с ятями и ерами в окончани-ях. Луч фонаря нервно дернулся на скамью – ковали ее давно и умело, хотя и грубовато. Колоколец зловеще бился на своей балке, вплетая в шум ветра свою глухую трескотню.

Бурый посветил на мост. Шириной он был не больше метра, сложенный из округлых валунов, меж которыми, похоже, была глина. Снизу мост имел арочный свод, крепившийся к краям двух скал между пропастью. Ни перил, ни даже натянутой веревки мост не имел. Приятѣли осторожно подошли к краю. Луч фонаря нерешительно обшарил далекое дно, где, похоже, бежал ручей или небольшая речка.

Бурый выругался вполголоса и шагнул к мосту.

– Ты куда? – крикнул Дэн и эхо заметалось по ущелью «да-да-да».

– За молоком! – сердито оглянулся Бурый.

– С ума сошел? Надо сесть на скамью! – и Дэн метнулся к ней и послушно, как ребенок, которому мама велела сесть, устроился на сидении. Бурый посмотрел на него с презрением:

– Ты что, из детского сада? Я не собираюсь играть в этот

бред. И так уже темно, хрен доярку эту козью отыщем.

И он двинулся к мосту. Дэн недоверчиво смотрел на него. Рядом с его лицом бился колоколец.

Бурый не сразу шагнул на мост. Сперва он встал прямо перед ним, лучом фонаря наметил прямую линию и пошел вперед. И немедленно упал, выпустив фонарь.

– Come back! – заорал Дэн и вскочил на ноги. – Come back now!¹

По противоположной стене ущелья метнулся луч падающего в бездну фонаря. Бурый неподвижно лежал прямо на мосту. Через пару секунд он принялся ползти назад, неловко перебирая ногами. Когда он отполз не менее чем на метр от моста, то медленно поднялся и подошел к скамье. Колени у него заметно тряслись.

– Идиот! – с ударением на первый слог сказал Дэн. – Ведь сказано же...

Бурый опустился рядом с ним на скамью. Покосился на раскачивающийся на ветру колокол. Облизал сухие губы и произнес:

– Ни фига себе сходил за хлебушком...

– Мы, вроде, за молоком? – посмотрел на него Дэн. В бледном свете луны Бурый был белым, как мел.

– Не важно, – устало отмахнулся Бурый. – Чего рассказывать-то ему?

– Зачем пришли, то и рассказывать. Окау, я скажу.

¹ Вернись сейчас же (англ.)

Он немного помолчал и принялся неуверенно говорить:

– Здравствуй, дух старого... Как это слово?

– Говори «пастуха», – отозвался Бурый, тупо глядя во мрак.

– Здравствуй, дух старого пастуха... Мы здесь проездом. Остановились внизу и... И хотели купить в твоём ауле немного молока. Мы не хотим ничего плохого. Да... И, пожалуйста, не сердитесь на моего друга.

Он помолчал и, ткнув локтем Бурого, яростно прошептал:

– А ты что сидишь? Скажи ему что-нибудь!

Бурый покосился на болтающийся колокол, вытер пот со лба и негромко и хрипло сказал:

– Я просто хотел угостить молоком мою девушку... – он немного подумал и добавил: – Я не хотел нарушать правила. Я...

– Он дурак! – закончил за него Дэн и спросил: – Ну, пойдём?

Но они не сразу поднялись со скамейки. Они уже продрогли на ветру, но ещё минут пять просидели, прислушиваясь к глуховатой трескотне колокольца. Потом встали и подошли к мосту.

– А, может, обратно пойдём? – предложил Дэн.

– Ну, уж нет, – упрямо помотал головой Бурый. – Как я Стелле в глаза смотреть буду?

– Так она же не узнает.

– Ерунда. Зато я знаю...

И Бурый первый шагнул к мосту. Дэн с ужасом смотрел на него. Бурый осторожно подошел к кладке, собрался с духом и поставил ногу на камни. По-прежнему посвистывал ветер, позади зловеще бился на своей палке колокол. Бурый медленно пошел вперед.

Мост и впрямь был невелик. Но не семь шагов пришлось сделать Бурому, а все 15 мелких, неспешных шажков, пока он не оказался на той стороне. Он обернулся и, не меняясь в лице, стал ждать друга.

Дэн перекрестился на свой католический лад – мелко и слева направо – и подошел к мосту. Он сделал первые два шага, потом опустился на четвереньки и уже таким способом преодолел мост. Поднявшись на той стороне, он сказал Бурому, молча и хмуро смотревшему на луну:

– Don't tell about this to Maria². Или я тебя убью.

И они двинулись по тропинке к скале.

Пройдя узким извилистым ущельем метров 30, они вышли в небольшую горную долину, освещенную луной. Здесь было тихо и внизу, то тут, то там горели окна домов.

Как и повсюду на Кавказе, дома были обнесены внушительными каменными заборами, поэтому, когда друзья спустились в аул, огоньки исчезли.

– Вот же блин, – пробормотал Бурый. – Приперлись к людям за полночь.

– Еще десяти нет, – отозвался Дэн, но Бурый не слушал.

² Не говори об этом Марии (англ.)

– ...Выйдут сейчас эти козодёры, наваляют нам, да еще сами, вместо своего пастуха, спихнут в пропасть.

– Shit... – вполголоса сказал на это Дэн и тут взлаяла за ближайшим забором собака. Ей начали вторить остальные по всему аулу. Через минуту стоял такой лай, что о былой тишине невозможно было даже подумать.

– Дождались, – сказал Бурый и повернулся лицом в ту сторону, откуда они пришли, размышляя, не вернуться ли. Но тут дверь в воротах напротив отворилась и на улице оказался человек.

– О, пожалуйста, не волнуйтесь! – выявляя свой акцент от волнения еще отчетливее, сказал Дэн и на всякий случай поднял руки вверх.

– Простите, мы хотели купить молока. Нам сказали, что у вас есть, – добавил Бурый. Человек распахнул дверь шире и отступил, приглашая внутрь.

Человека звали Мухамед, его немногословная и незаметная жена немедленно собрала на стол и сейчас же куда-то исчезла. Мухамед улыбнулся из-под черных густых усов с проседью:

– Садитесь. В моем доме всегда рады гостям.

К обильным кавказским угощениям Дэн с Бурым уже привыкли, да и не это занимало сейчас их умы. Как только полагающаяся светская часть беседы окончилась и аппетит умерил свой пыл, Дэн робко приступил к «десерту»:

– Скажите, Мухамед... Вы ведь знаете о здешней легенде?

Ну...

Мухамед покачал головой и улыбнулся:

– Вы про дух Старого Чабана?

– Да. Мой друг... – начал было Дэн, но Бурый его перебил.

– Да, я лоханулся... – полагая, что Мухамеду неизвестно это слово, Бурый поправился: – Облажался... Проявил неуважение к духу.

Мухамед сокрушенно покачал головой:

– Ай, как нехорошо. У нас чтят старших. Даже если это дух.

Бурый тотчас заметил лукавую искру в черных глазах Мухамеда и насторожился:

– То есть... Нас развели как лохов? То есть как дураков?

Мухамед улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, если вы сами не догадались, почему дух прогневался на вас...

– Я оступился! – немного громче, нежели требовалось, сказал Бурый, но осекся: – Простите, Мухамед. Просто мне... нам стало не по себе там, – и он кивнул головой куда-то в сторону, словно зловещий мост «Семь шагов» был сразу за соседней стеной.

– Вот для таких горячих джигитов и сделали люди на камне перед мостом надпись. И чуть позднее поставили скамью, – сказал Мухамед. Бурый и Дэн слушали. И Мухамед стал рассказывать.

Когда именно появился камень, никто уже не скажет. И легенда когда появилась – тоже. Во времена, когда Кавказ стал частью России, где-то в середине девятнадцатого века внизу, у дороги, был русский блокпост, как сказали бы сейчас. Горный аул, куда вел каменный мост, был им известен. Тогда же местные и познакомили их с легендой о Старом Чабане. Люди аула жили на своей земле хорошо, им не нужно было ходить в долину. Здесь были пастбища, вода и покой, что особенно ценили пастухи и их семьи. А вот русские солдаты наведывались в уединенный аул: за молоком, яйцами, свежим барашком. Не грабили, конечно, платили за все. Но на мосту действительно гибли: особенно молодые и неопытные мальчишки. Потому что жизнь в горах была им неизвестна, а в горах и ходить надо умеючи, не то, что воевать. Камень и скамья находятся именно с той стороны моста, куда приходит тропа из долины. Со стороны аула этого нет. Не только потому, что жители аула горные жители и умеют ходить по своей земле.

Мухамед сделал паузу и наслаждался блеском глаз своих собеседников.

– И что же? – выдохнул Бурый. Мухамед кивнул и отпил из пиалы чаю.

– Когда вы шли вверх по пещере, что было у вас под ногами? – спросил он. Парни напряглись.

– Stones?³ Н-нет...

³ Камни (англ.)

– Ручей?

– Да, ручей. Все в горах знают, что любая обувь скользит на мокром булыжнике. И мокрая подошва тоже скользит даже на сухом камне. Попытка пройти в сырой обуви по каменному и очень узкому мосту неминуемо закончится трагедией. Поэтому умные люди с помощью страха перед суровым духом заставляли людей немного подождать перед тем, как ступить на мост. Ветер никогда не прекращает там дуть и обувь путника обсыхает.

– Jesus Christ... I'm stupid idiot!⁴ – схватился за голову Дэн.

– Блин... – протянул в тон с ним Бурый. – Ведь можно было догадаться...

– Это русские солдаты сделали надпись на камне и скамью поставили тоже они, – сказал Мухамед. – И бараний колокол повесили. А мы это не трогаем – вот уже много лет. Нас бережет на нашей земле Аллах. А если наших гостей защищает еще и дух Старого Чабана – разве Аллах станет гневаться? Ведь так вы стали моими гостями!

– А человек из гостиницы снизу боялся нас сюда пускать, – сказал Дэн. – Неужели он не знает, что на самом деле значит вся эта «мистика»?

– А, это Хамзат. Конечно, он про все знает. Похоже, вы действительно поверили, что он боялся вас отпускать.

– Но если бы мы действительно погибли? – удивился Бурый. – Я ведь на самом деле поскользнулся! Он просто мог

⁴ Боже мой... Я идиот (англ.)

все объяснить...

Мухамед вздохнул:

– Хамзат дурак – хоть и негоже говорить так о соплеменнике. Ему нравится разыгрывать людей, следить, как они реагируют. Но на моей памяти трагических случаев, – слава Аллаху! – еще не случилось.

Помолчали.

– Скажите, Мухамед, – спросил Бурый. – Как правило люди из таких аулов как ваш – и даже менее изолированных – очень плохо говорят по-русски...

– А, это, – снова улыбнулся Мухамед. – Дело в том, что я не всегда тут жил. Родился я в долине, а учиться уехал в Ленинград. Давно это было... Когда в России капитализм начался, имел свой бизнес. В галстук ходил, костюмы носил, на машине ездил. В кризис разорился. Но еще до этого устал я от той жизни. Ненстоящей она показалась мне. Несколько лет назад вернулся на родину. Но и там сейчас жизнь беспокойная, суматоха городов и туда дошла. Вот и осел я здесь вместе с женой. Живем на земле, работаем, птица у нас, овцы, козы.

– Не жалеете? – спросил удивленно Бурый. Мухамед покачал головой:

– Зачем жалеть? Мне тут нравится. Здесь никогда не было кризиса. И не будет. Люди должны заботиться о своей земле и друг о друге: как те русские солдаты позаботились о своих неопытных собратях. А если человек умеет беречь своих

братьев, то и землю свою сбережет.

Луна изрядно опустилась к зубьям гор, когда Бурый и Дэн вышли к мосту. Ветер по-прежнему подвывал и слышался с той стороны ущелья стук колокольца. Теперь он казался глупым и вовсе не страшным. Дэн уже ступил на мост, когда заметил, что Бурый не торопится.

– Ты что? – обернулся он к другу. Бурый поправил бутылку с молоком в заплечном мешке и сказал луне, что смотрела на него сверху:

– Мы с другом идем от хороших людей. Мы идем домой.

Всю дорогу до хибары внизу Дэн слышал, как Бурый повторял эту фразу – негромко, но упрямо:

– Мы идем домой...

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.